

Александр ЛАВРОВ

Mykhailo Hrushevsky, *History of Ukraine-Rus'. From Prehistory to the Eleventh Century* (Volume 1: Translated by Marta Skorupsky. Edited by Andrzej Poppe and Frank E.Sysyn). (Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press and Ukrainian Academic Press, 1997). ISBN: 1895571197

The Cossack Age to 1625 (Volume 7: Translated by Bohdan Strumiński. Edited by Serhii Plokhy and Frank E.Sysyn). (Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press and Ukrainian Academic Press, 1999). ISBN: 1895571286

The Cossack Age, 1626-1650 (Volume 8: Translated by Marta Daria Olynyk. Edited by Frank E.Sysyn, with the assistance of Myroslav Yurkevich). (Edmonton and Toronto: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 2002). ISBN: 1895571324.

Канадским институтом украинских исследований (Эдмонтон) подготовлены и изданы три тома английского перевода «Истории Украины-Руси» Михаила Грушевского (1866-1934). Этот труд является уникальным памятником исторической мысли,

в котором также ярко отразились политические процессы конца XIX – начала XX вв. и факты из личной биографии ученого. Когда Грушевский, занявший в 1894 г. кафедру украинской истории во Львовском университете, выпустил первый том своего труда (1898 г.), самостоятельное политическое бытие Украины представлялось лишь смелым проектом. Завершение работы происходило в период военных и революционных потрясений. Выход второй части восьмого тома (1916 г.), посвященной предыстории восстания Хмельницкого, пришелся на один из тяжелейших моментов научной и политической биографии исследователя. Историк, в момент начала Первой мировой войны оказавшийся в Италии, возвратился во Львов, там был немедленно арестован и сослан в Саратов, где, в отрыве от архивов и собственных материалов, дописал очередные главы труда. Не без горькой иронии он включил в свое повествование упоминание о некоем «добром человеке Грушевском», посланном в заложники во время казацкой осады Очакова в 1641 г. (Т. 8, Р. 276).¹ Работа автора над третьей,

¹ Цитаты сверены с украинским подлинником; в случае, когда английский перевод отклоняется от русского перевода украинского текста, который получается у меня, отличия оговариваются особо.

заключительной частью восьмого тома, посвященной начальному этапу Хмельничны, пришлось на 1916-1921 гг., совпав с двумя российскими революциями и кратковременным периодом независимости Украины. За это время революция “призвала” Грушевского в Киев (как он напишет в предисловии к изданию 1921 г.), сделала председателем Центральной рады и президентом Украинской народной республики. Заклучительная часть восьмого тома сдавалась в печать в 1922 г. уже Грушевским-эмигрантом. Впереди было возвращение в Киев (1924 г.), столкновение с советской цензурой и идеологическим диктатом, высокую степень независимости от которых Грушевский демонстрировал до конца жизни.

Можно понять, почему издатели отказались от традиционного, репринтного воспроизведения украинского оригинала “Истории”, в пользу трудоемкого английского перевода. Благодаря их усилиям труду Грушевского возвращается изначально присущая ему роль вузовского учебника. От студентов канадского, американского или английского университета трудно требовать на первом или втором “курсе” чтения научной литературы на языке оригинала. Поэтому труды нынешних исто-

риков неизбежно “оттеснили” бы Грушевского. Что же касается устаревших положений “Истории Украины – Руси” или обновления библиографии, то редакторы обновили научный аппарат, а также сделали предисловия и послесловия к тексту.

Поскольку речь идет о классической работе, оказавшей исключительное влияние на украинскую историографию, то задачу рецензента можно было бы свести к характеристике точности перевода, редакторских примечаний и предисловий. Этому мешает одно обстоятельство. Дело в том, что российским читателям, которым и адресована эта рецензия, Грушевский знаком плохо. В узком кругу академической среды по-прежнему доминирует оставшееся в наследство от советского времени представление об историке как о “националисте”. Широкой читающей публике Грушевский малодоступен. Несмотря на то, что российские издатели в последнее десятилетие не побоялись выпустить несколько заведомо “нечитабельных” многотомных изданий (например, “Историю эллинизма” И. Г. Дройзена), труд Грушевского остается обойденным вниманием. Даже сравнительная легкость перевода и высокие литературные достоинства оригинала, кажется, не заинтересо-

вали в последние десятилетия ни одно российское издательство. В этом смысле, рискну предположить, что именно английский перевод может, наконец, сыграть роль посредника, и что труд Грушевского хотя бы таким, окольным путем, обретет в России свою читательскую аудиторию.

Учитывая это, я попытаюсь в нескольких словах охарактеризовать авторскую концепцию каждого тома, а затем перейти к характеристике самого издания.

Первый том представляет концепцию истории Киевской Руси, широко известную благодаря одной из статей Грушевского.² Конечно, именно она является наиболее устаревшей, поскольку достижения археологии и лингвистики последних десятилетий серьезно изменили представления почти обо всех ее положениях. Однако на фоне историографии конца XIX – начала XX вв. работа Грушевского выглядит “на уровне”. Это, прежде всего, связано с тем, что в классификации этнических сообществ языковая таксономия оказывается у него неизменно на первом месте. В то же время в вопросе о “расовых” сторонах этничности (о котором многие именитые совре-

менники рассуждали подчас безапелляционно) историк проявляет большую сдержанность. Грушевский отмечает по этому поводу, что “современные европейские народы” демонстрируют многообразие антропологических типов (Т. I. Р. 6). Кажется, один раз он отходит от этого взгляда, вмешавшись в дискуссию о том, были ли первоначальные славяне брахицефалами или долихоцефалами, но тут же замечает, “что окончательно решить” этот вопрос “пока невозможно” (Т. I. Р. 235).

Взгляды Грушевского представляют собой некую “золотую середину” в сопоставлении с доминировавшими многие годы в советской историографии концепций Н. Я. Марра и Б. А. Рыбакова. От историка, заподозренного в советское время в проявлении “национализма”, можно было бы ожидать зачисления в предки восточных славян (или украинцев) всех народов Северного Причерноморья, упомянутых античными, византийскими и арабскими авторами. Тем не менее, говоря, к примеру, о происхождении гуннов, Грушевский решительно отвергает “славянскую теорию” и занимает

² М. Грушевський. Звичайна схема “руської історії” і справа раціонального укладу історії східнього слов’янства // Статті по славянознавству. Санкт-Петербург, 1904. Т. 1. С. 298-304.

позицию, удивительно близкую современной историографии, упоминая о том, что гунны были “передовой ордой тюрко-(угро)-финского похода” (Т. I. Р. 115).³

Досадным исключением является здесь сюжет об антах. Противореча собранным им самим указаниям источников (в которых последнее упоминание об антах датировалось 602 г.), историк стремится видеть в антах “предков украинских племен” (Т. I. Р. 134). На современное состояние изучения вопроса указывает в своем послесловии к первому тому А. Поппэ: “Анты не были этнонимом, но обозначали территориальную и политическую связь со славянской правящей стратой, известной под этим именем” (Т. I. Р. 420, комментарий). Здесь гипотезы Грушевского прямо предшествуют “антским” построениям Б. А. Рыбакова,⁴ отвергнутым современной наукой.

Грушевский утверждает, что русский народ создан “на финской почве” в ходе “новгородско-кривичской и кривичско-вятичской колонизации”. “Ассимилируя финское население, модифи-

цируясь под его влиянием, эта колонизация полностью сохранила в нем этот славянский этнический характер” (Т. I. Р. 140). Нетрудно заметить, что здесь выводы Грушевского противоречат отстаивавшемуся в советской историографии выводу о складывании в Киевский период на основе отдельных восточнославянских племен единой “древнерусской народности”. Закономерным продолжением этого взгляда является “умеренный антинорманизм” Грушевского (если использовать выражение А. Поппэ). Хотя сам историк и признает, что антинорманизм считается “верным симптомом ненаучного мышления”, он все равно склонен приуменьшать роль норманнов в формировании Киевского государства.

Если первый том Грушевского представляет его концепцию “княжеского” периода истории Украины, за которым следует “литовский”, то седьмой и восьмой дают более или менее полное представление о третьем периоде, “казацком времени”.

Происхождение казачества Грушевский связывает как с

³ Ср.: В. Я. Петрухин, Д. С. Раевский. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. Москва, 1998.

⁴ Б. А. Рыбаков. Древние русы. (К вопросу об образовании ядра древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина) // Советская археология. Москва, 1953. Т. XVII. С. 23-104. Ср.: “Русы – часть антов” (Там же. С. 42).

татарской колонизацией, так и с продолжением древнерусских традиций (об этом, в частности, писали украинские историки-предшественники Грушевского). Одни рассматривали генезис казачества в XV – XVI вв. в рамках казацко-княжеской теории (В. Антонович, М. Коялович), видя в казаках “вооруженные народные общины под руководством местных князей-гетманов”. Другие – склонялись к принятию “противокняжеской” теории (Н. Дашкевич), связывающей возникновение казацких сообществ с “антикняжеским движением XIII в. и общинами, которые порвали с княжеско-дружинным строем и подчинились под непосредственную власть татар...” (Т. VII. Р. 57). Грушевский занимает здесь компромиссную позицию, противопоставляя казачество как “образ жизни” казачеству как “организованной социальной группе” (*‘stratum’* в английском переводе) (Т. VII. Р. 58). Как “образ жизни” казачество существовало на степной границе всегда. “Кристаллизация” же его как социальной группы происходит только в 1560-х гг., когда дворяне и мещане начинают активно противодействовать фискальным поборам и произволу местной администрации. На исторической сцене появляются “показаченные ме-

щанские и селянские элементы” (Т. VII. Р. 102).

Для историка России раннего нового времени есть все основания проработать этот том “Истории Украины-Руси” с карандашом в руках. Во-первых, достойно внимания упоминание о вмешательстве украинского казачества в политическую жизнь Молдавии, где оно попеременно поддерживало того или иного претендента на господарский престол. Это легко объясняет и обращение Лжедмитрия I к запорожскому казачеству, и последующую роль украинских казаков в поддержке российских претендентов на престол. Во-вторых, Грушевский упоминает институт приставства, существующий у украинских казаков (переводчики называют его: *“temporary billets”* (Т. VII. Р. 138)) – “право казацких военных контингентов на квартиры и проживание в коронных владениях за их службу государству и охрану южных границ” (Т. VII. Р. 198). В Смутное время казаки попытались перенести этот институт на московскую почву. Российские историки слишком часто говорят о казаках вообще, забыв упомянуть, идет ли речь о донцах или о запорожцах. Кроме того, само противопоставление польских “наемников” и украинских казаков как двух различ-

ных частей войска Лжедмитрия I, характерное для российской историографии, не учитывает того, что грань между теми и другими оставалась зыбкой, что довольно четко явствует из изложения Грушевского (Т. VII. Р. 252).

Услуги, оказанные украинским казачеством Речи Посполитой во время Смуты и, особенно, во время похода Сагайдачного на Москву, повысили роль казачества. В результате оно, согласно Грушевскому, смогло “поставить перед собой ту задачу, которую на протяжении четверти столетия была предметом неустанной, упорной, но безуспешной борьбы украинской интеллигенции” – восстановление православной иерархии (Т. VII. Р. 303).

Повествование следующего, восьмого тома “Истории Украины-Руси” начинается с рассказа о “религиозном компромиссе” 1632 г. (признании Речью Посполитой православной иерархии). Здесь же Грушевский указывает на причины восстания Хмельницкого и рассматривает его развитие до заключения Зборовского мира в 1649 г. Ученому удалось точно уловить взаимосвязь внешне- и внутривосточных факторов и показать, что катализатором религиозного компромисса стало не только бескоролье, но и начало Смоленской войны (Т. VIII. Р. 125). Для того,

чтобы склонить казаков к участию в еще одной войне против Московского государства, необходимо было сделать существенные уступки в конфессиональном вопросе. Грушевский аргументированно подчеркивает хрупкость “религиозного компромисса” 1632 г.: если православные рассматривали его как безусловную основу для дальнейшего сосуществования, то униаты и католики не забывали о том, что это вынужденная уступка, обусловленная исключительными обстоятельствами (Т. VIII. Р. 147). Грушевский считает, что “религиозный компромисс” “принципиально пошатнул положение униатской церкви, уничтожив сам смысл (в английском переводе ‘basis’) ее существования” (Т. VIII. Р. 333).

К лучшим страницам восьмого тома относится характеристика украинской колонизации. Грушевский создает впечатляющую картину положения на степной границе после разгрома 1637-1638 гг. и в период “золотого десятилетия” (1638-1648 гг.). Он показывает, что сама идея совместной обороны южной границы – “обороны обоих государств и обоих украин от общего врага” (Т. VIII. Р. 293) – не была изобретением отдельных политических деятелей. Эта точка зрения присутствовала в работах

советских историков, подчеркивавших в этом случае роль Юрия Крижанича или А. Л. Ордина-Нащокина. Само по себе подобное сотрудничество было небезопасно как для Московского государства, так и для Речи Посполитой, поскольку запорожцы могли помогать донцам во время конфликтов с Москвой (Т. VIII. Р. 275).

Грушевский сравнивает освоение степной окраины в Московском государстве и в Речи Посполитой. Отмечая сходство обеих колонизаций, он не забывает дать более высокую оценку централизованности и сплоченности Московской колонизации. Если в Речи Посполитой бессилье исполнительной власти восполнялось активностью народных масс, которые и "оборону наладили, и колонизацию осуществили", то в Московском государстве народной самодеятельности было меньше. В результате "украинский демос" опередил "великорусскую народность". Он освоил просторы Московской Украины, "перехватив у великорусской народности эти территории, которые географическими и политическими обстоятельствами были предназначены ей для колонизации" (Т. VIII. Р. 299). В результате московская схема обороны южных границ оказалась, согласно Грушевскому,

наполненной "украинским содержанием и народной украинской стихией" (Т. VIII. Р. 285).

Среди непосредственных причин Хмельнитчины Грушевский выдвигал на первый план религиозные и социальные: прежде всего, упрочение и территориальную экспансию господского режима в период "золотого десятилетия".

Каждому тому предпослано одно или несколько предисловий. В предисловии к первому тому ("Введение к "Истории Украины-Руси". Т. 1. Рр. XXII- XLII). Ф. Сысин сопоставляет роль "Истории Украины-Руси" со значением, которое имела "История" Франтишка Палацкого для чешского национального движения. Он отмечает, что историографическая работа Грушевского "была укоренена в народнической традиции XIX в., которая, прежде всего, рассматривала украинскую историю как историю обделенных... Этот взгляд повлиял на исследование периодов, в течение которых украинцы обладали политическими структурами и элитами, представлявшимися в негативном свете" (Т. 1. Р. XXXIII). Ф. Сысину вторит С. Плохий, выделяющий в качестве двух важнейших аспектов труда Грушевского "философский позитивизм" и "populism" (который я в данном случае

перевел бы как “народничество”). С. Плохий пишет, что Грушевский “рассматривал экономическую, культурную и духовную жизнь народа как основную тему исторических исследований, и отодвигал историю государства и элит на периферию внимания историка” (Т. VII. Р. XXIX). Именно этим обуславливалась и полемика Грушевского с “государственной” школой украинских историков и, прежде всего, с Вячеславом Липинским. Ф. Сысин прослеживает рецепцию “Истории Украины-Руси” – от первых рецензий и полемических откликов, до более чем полувекового советского запрета, включая безуспешные попытки “реабилитации” наследия Грушевского в 1960-х гг. и таинственное исчезновение неопубликованной рукописи второй части десятого тома, так называемого “одиннадцатого тома”, в 1970-х гг., и триумфальное публичное возвращение работы в 1989 г., когда было принято решение о репринтном переиздании “Истории”.

В предисловии к первому тому А. Поппэ представляет

Грушевского как историка Киевской Руси (Т. I. Р. XLII-LIV). Сравнивая первый том Грушевского с “Геродотовой Скифией” Б. А. Рыбакова, А. Поппэ не может удержаться от восклицания: “Насколько превосходящими по качеству оказываются собственные наблюдения Грушевского о скифском рассказе Геродота!” (Т. I. Р. LIII). Интересно, насколько аутентична ленинская цитата, характеризующая Грушевского как “носителя антинаучных буржуазно-националистических теорий” (Т. I. Р. LIV)?⁵ Если она настоящая, то почему ей не пользовались советские “запретители” Грушевского? Если это апокриф, то интересно было бы установить, когда и с какой целью он был сфабрикован.

Определенная композиционная трудность предисловий состоит в том, что авторам приходится давать характеристику и соответствующего тома Грушевского, и того периода в деятельности историка, в течение которого он был написан. Хмельнитчина, одна из сквозных тем Грушевского на протяжении

⁵ В последнем советском собрании сочинений Ленина такая цитата отсутствует. Однако на этом основании сложно делать вывод о том, что он ничего подобного не утверждал. Мне удалось найти только одно (вполне нейтральное) упоминание о Грушевском, причем не как об историке, а как о политическом деятеле. См.: В. И. Ленин. Резолюция Совета народных комиссаров о переговорах с Радой (12 декабря 1917 г.) // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Москва, 1962. Т. 35. С. 182.

всей его жизни, как раз плохо вписывается в подобный подход. Впрочем, именно в данном случае сопоставление предисловия, в сжатом виде представляющего высказывания Грушевского-публициста о Хмельницком, с текстом самого восьмого тома оказывается весьма плодотворным. Особо следует отметить также помещенный издателями очерк российской, польской и украинской историографии восстания Хмельницкого и обширную библиографию на западноевропейских языках.

Практически безукоризненным можно было бы назвать английский перевод. Залогом успеха в работе переводчиков является составленный издателями целый словарь социально-политической и военной лексики (украинской, польской и русской) с приведением английских аналогов. Каждый термин переводится не одним или двумя английскими словами, а всегда одним и тем же (Т. I. P. [LV]; Т. VII. P. LIII-LVI; Т. VIII. Pp. LXX-LXXV). Можно предполагать, что этот словарь будет иметь значение не только для издания "Истории Украины-Руси", но послужит справочным материалом для многих истори-

ков Восточной Европы, пишущих на английском языке. К отдельным неточностям перевода следует отнести господство *nation/national*, причем последними переводятся и *народ/народний* и *нація/національний* украинского оригинала. Например, *український народ* переводится как *Ukrainian nation*, что несколько модернизирует текст. В некоторых случаях стоило бы, очевидно, сохранить *popular*. Это же относится и к украинскому слову *верства (група)*, которое переводится английским *stratum*, в результате чего в текст Грушевского закрадывается несвойственная ему социологическая терминология à la Питирим Сорокин. К несколько забавным неточностям следует отнести перевод знаменитого *белгородского киселя* как *fermented pudding* (Т. I. Pp. 183, 205). Напомним, что в тексте "Повести временных лет" речь идет о *цезе* и *сыте*. Если с сытой почти все ясно, то *цезь* Д. С. Лихачев и Б. А. Романов переводят как *болтушка* или *кисельный раствор*. Во всяком случае, ясно, что и то, и другое *почерпоша, льяша* и даже *наляша* в корчагу,⁶ то есть и то и другое – жидкости. Иногда авторы слишком буквально

⁶ Повесть временных лет. Текст и перевод / Перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. Москва; Ленинград. 1950. Ч.1. С. 87-88 (текст); С.287-288 (комментарий).

следуют переводам иноязычных текстов, которые предлагает Грушевский. Так, Грушевский переводит *chudy rashotek* как *бедный человек*, переводчики вслед за ним – как *poor man* (Т. VII. Р. 161), а можно было бы *бедный слуга* (в другом месте украинское слово *пахолок* было более правильно переведено как *footman, лакей* (Т. VIII. Р. 119)). Однако всякий перфекционизм должен знать меру, и нельзя требовать от переводчиков того, чтобы они еще и “исправляли” Грушевского.

Труд издателей, переводчиков и комментаторов заслуживает высокой похвалы. Можно сказать, что между “Историей Украины-Руси” и современным читателем остался единственный барьер – объем текста. Рецензируемые три тома уже включают более двух тысяч страниц. И если разделы, посвященные социальной истории, читаются так, как будто бы они были написаны нашим современником, то избыточные подробностями описания военных действий достаточно устарели.

Anna BRZOZOWSKA

Margarita M. Balmaceda, James I. Clem, and Lisbeth L. Tarlow (Eds.), *Independent Belarus: Domestic Determinants, Regional Dynamics, and Implications for the West*. (Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2002). 483 pp. Appendix. Index. ISBN: 0-91645894-6.

The volume offers an in-depth analysis of contemporary Belarus, focusing on four basic aspects: domestic politics, economy, security, and possible challenges for the West. It contributes in a significant sense to an understanding of the Belarusian puzzle, which has been discussed in the historiography since the early 1990s.¹

What is of great importance and value, the analysis is based on comparisons between Belarus and other central and east European countries. Thanks to this approach, it is possible to notice Belarusian exceptionalism, which consists, as the authors claim, of the weakness of Belarusian national identity and the dominant role of the president, Aleksandr

¹ See f.i.: Kathleen Mihalisko. The Outlook for Independent Belarus // RFE/RL Research Report. 12 June 1992. Vol. 1. No. 24. Pp. 7-13; Jan Zaprudnik. Belarus. At the Crossroads in History. Boulder, 1993. Recent publications on the topic include the edited volume dealing with security problems and two collections of articles on politics, economy and international relations. See: Sherman W. Garnett, and Robert Legvold (Eds.). Belarus at the Crossroads, Washington, 1999; Elena A. Korostoleva, Colin W. Lawson, and Rosalind J. March (Eds.). Contemporary Belarus. Between Democracy and Dictatorship. London, 2003; Ann Lewis (Ed.). The EU and Belarus. Between Moscow and Brussels. London, 2002; David R. Marples. Belarus. A Denationalized Nation. London, 1999.